

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ 2019/20 гг.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ЛИТЕРАТУРА
11 КЛАСС

Инструкция по выполнению задания

Уважаемый школьник! Выполни два задания, предварительно внимательно прочитай их. Пиши ответы аккуратным, разборчивым почерком. Задания можно выполнять в любой последовательности, но не забывай указывать номер задания. Каждое задание выполняется на отдельной странице тетради. Максимальный балл – **90**. Время выполнения заданий – **5** астрономических часов. Успехов!

Задание №1, аналитическое (70 баллов)

Выполните аналитическое задание, выбрав один из предложенных текстов (поэтический или прозаический).

Выполните целостный анализ стихотворения **Константина Случевского «Ты не гонись за рифмой своенравной...»**.

Попробуйте ответить на следующие вопросы: о чем стихотворение, какова его тема и в чем своеобразие ее воплощения; что значит для поэта образ Ярославны; чем объясняется противоречивость утверждений лирического героя; как создается особая экспрессивность стихотворения?

Предложенные направления не являются обязательными, вы можете выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарёю плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от неё не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони её! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас — то здесь, то там — тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна всё-таки тоскует
В урочный час на каменной стене... *опубл. 1898*

Вариант 2. Анализ прозаического текста

Выполните целостный анализ автобиографического рассказа **Е.И. Носова** «Мост», обратив внимание на следующие аспекты: повествовательно-событийный план; пространственно-временная картина детства героя (эпоха, мир вещей, явлений, слов); образы героев, их портретные характеристики; средства художественной выразительности; авторская позиция; речевая характеристика героев.

МОСТ

*Памяти отца моего,
Ивана Георгиевича Носова,—
рядового котельщика первых пятилеток*

Мой отец был ударником.

Он клепал мост через нашу речку. Мост получился красивый, весь в заклепках, и отцу дали путевку куда-то на один день.

И еще премиальные.

На них он купил себе майские брюки из белой рогожки, а мне бескозырку с золотыми якорями.

Пока отец брился, мать погладила брюки и повесила на спинку кровати.

— Смотри не зазелени,— сказала она и взлохматила ему чуб. Тогда отец еще не был лысый.

Выходная рубашка пришлась в самый раз к брюкам. Она была тоже белая, с пристежным воротничком. Воротничок немного обтрепался на сгибе. Но мать сказала, что это совсем не заметно.

И галстук.

У отца был галстук. Серенький, крапинками. Отец не умел его завязывать. Чтобы не сползал узел, прикалывал из-под низу булавкой. Но булавка всегда высовывалась, а отец этого не видел. А мать видела и делала ему замечание. Отец сердился. И тогда он снимал галстук и совал в карман.

День был сегодня торжественный, и мать советовала надеть галстук.

— Жарко будет,— хмурился отец.

— Надень, надень! Сегодня все будут с галстуками. Вот увидишь.

Меня тоже собирали. Но обо мне нечего говорить. У меня ничего особенного не было. Все та же матроска. Я ее надевал и на Первое мая, и на Седьмое ноября, и на день рождения, и когда были у нас гости, и когда мы ходили в гости, и от этого она стала мала. Особенно рукава. Но мама их закатала выше локтя и сказала, что так даже лучше.

Потом мать натерла мелом отцовы парусиновые туфли, и они стали как новенькие.

— Ты пока их не надевай, а то я вчера вымыла полы,— сказала мать и выставила туфли за порог.

— А папиросы? Чуть не забыл! — сказал отец и сел набивать папиросы.

Получались большие, толстые папиросы. Он обрезал кончики ножницами, чтобы не торчал табак, и складывал в красивую коробку. Он говорил — никто не догадывается, что они самодельные, зато так дешевле.

— Кажется, все...— сказала мать и повернула отца за плечи.

Я тоже еще раз оглядел отца. Какой он стал красивый! Все на нем было белое, праздничное. Вот только руки в царапинах. И лицо загорелое. Особенно против белой рубашки. Это он так обгорел, когда клепал мост. Он все время работал на самом верху. А внизу была вода. Но он не привязывался. Зато колотки всегда привязывал к поясу. Чтоб не падали в воду.

А нос так и вовсе облупился.

— Пстой,— сказала мать.— Дай хоть я нос ощиплю. Смотри, как шелушится!

— Отстань! — рассердился отец.

— Ну как хочешь. Ходи с таким.

А так все было очень даже хорошо: и майские брюки из белой рогожки, и туфли, и все, все...

— Ну ладно, идите,— сказала мать и посмотрела на меня.— Ах, да! Чуть не забыла! Возьмите-ка что-нибудь из еды.

— Ну вот еще! Там же будет бесплатный завтрак,— сказал отец и показал талоны,— и обед, и ужин.

— Кто его знает, что там будет,— сказала мать.— И потом — ты не один. Ребенок захочет есть. Она сунула отцу сверток, и в это время вошел дядя Федя, председатель завкома.

Он дал мне маковку и сказал:

— Ну, карапет, поехали!

— А куда мы поедем? — спросил я.

— Очень хорошо. Просто замечательно! — сказал дядя Федя и заулыбался.

Он совсем плохо слышал, этот дядя Федя. Но делал вид, что слышит все-все. Он, как и отец, был раньше котельщиком. Но когда оглох от молотков, его поставили председателем завкома. Он почти ничего не слышал и всегда говорил, в ответ: «Очень хорошо. Просто замечательно!» И улыбался. Улыбался, чтобы не поняли, что не слышит.

У наших ворот уже стоял грузовик. В кузове было полно.

Все такие разодетые. От грузовика так и пахло одеколоном. А на бортах красные лозунги, как на Первое мая.

— Скорее, скорее! — кричали нам. — Еще надо за Кузьмичом заехать. А потом к Степке из кузнечного цеха. Ты не знаешь, где живет Степка?

— А это что у тебя за сверток? Закусон?

— Девки, а штаны-то! Штаны какие!

— Накрахмаленные!

— Штаны — дрыком!

— Га-га-га!

— Чего гогочете? Зафтюкали мужика.

— Иван, полезай сюда. А мальчика — в кабину.

Мы заехали за Кузьмичом. Он оказался старым дедом. Кузьмич закидывал, закидывал ногу в кузов и никак не мог закинуть. И его тоже послали в кабину. Он посадил меня на колени, и я спросил:

— Дедушка, а ты тоже ударник?

— Плотник я. А так... шут их знает.

Степку из кузнечного мы так и не нашли и поехали без Степки.

Грузовик ревел, дребезжала фара, коленки у Кузьмича подпрыгивали и были как железные. Он сопел над ухом, и усы его пахли не то селедкой, не то водкой. Но зато я ехал в кабине! Первый раз за всю жизнь.

А наверху играла гармошка, и все громко пели:

Мы красна кавалерия, и про нас

Мы линники речистые ведут рассказ...

Что такое «ипронас» и что такое «линники», я не знал, но песня была такая, что даже Кузьмич притопывал подошвой.

Потом пели: «Эх, яблочко! Куды котисси!..» — и кто-то плясал в кузове.

Люди останавливались, махали нам руками и что-то кричали.

Лошади задирали морды и храпели. Мужики соскакивали с телег и хватались за уздечки.

А по бокам дороги, под насыпью, синела вода, и в ней плавали зеленые ракиты и белые облака.

А может, даже не облака, а черемуха.

Разве все разглядишь, когда грузовик так несется по дороге, аж дребезжит фара...

Когда мчались через новый мост, он гулко загрохотал над головами, и все закричали «ура».

— Р-а-а-а! — ответил мост.

— Ура-а-а! — еще громче закричали в кузове.

— Ах, язвитвоюдушувтрибаранийрог! — задрезжал Кузьмич.

— Чего, дедушка?

— Погоди, говорю, внучек. Дай высморкаться. — И Кузьмич полез рукой под меня доставать платок.

За мостом свернули в лес, прыгали, прыгали по корням и остановились.

— Стой, ребята, не разбегайтесь! — крикнул дядя Федя.

Принесли красный стол с графином. Поставили под сосной. Дядя Федя что-то говорил. Все хлопали. Меня обступили со всех сторон, и было жарко. Гляжу вверх — кусочек неба и ветка. Гляжу вперед — Кузьмичовы штаны в белую полоску. А дядя Федя все говорит и говорит.

— Как черт, чешет! Подковался в завкоме! — гудит кто-то сзади.

— А теперь, ребята, занимай палатки! — крикнул под конец дядя Федя. — На весь день.

Нам досталась самая крайняя. Отцу, Кузьмичу и мне.. Вверху шумели на ветру сосны. То разойдутся, то опять обнимутся. А внизу тишина. Падали шишки, стучали по брезенту, как по барабану. Синичка тинькала. Елками пахло. Где-то кричал дядя Федя:

— Петрищев, занимай девятую с Апанасенком! А ты чего носишься? Ты с кем? Нашел себе пару?

Отец повалился на койку, закинул руки под голову.

Кузьмич постучал ногтем по парусине.

Я приоткрыл коробку на столике — шашки!

Отец достал папиросы и глянул на Кузьмича.

Кузьмич посмотрел на отца.

Отец посмотрел и улыбнулся.

Кузьмич тоже расправил усы.

— Красота! — сказал отец и хлопнул Кузьмича по коленке.

— Да вот и я говорю, язвитвоюдушувтрибаранийрог, дожил...

Кузьмич засопел, полез за носовым платком.

— У тебя чего там, в свертке, колбаска? — сказал он, часто-часто моргая глазами.— А то у меня есть по махонькой...

Но под брезент кто-то просунул голову и крикнул:

— Выходи завтракать!

Завтракали под навесом, за одним большим столом. Ели творог со сметаной. Кашу рисовую с маслом. Потом пирожки с капустой. Чаю было сколько хочешь.

Кузьмич что-то возился под столом, толкал ногами соседей и тех, что сидели напротив, и, вытаращив глаза, шипел:

— На... Только быстро...

— Кого? — пугался сосед и оглядывался по сторонам.

И каша и пирожки были вкусные. Кузьмич, вылезая из-за стола, даже запел:

Бывали дни веселые...

А отец совсем раскраснелся, снял галстук и сунул его в карман. Пришел дядя Федя, оперся руками о край стола, оглядел всех нас и сказал:

— Наелись?

— В самый раз!

— Куда лучше!

— Пивка бы...

— Очень хорошо! — заулыбался дядя Федя.— Просто замечательно! А теперь не расходитесь. Будут затейники.

— Ты не больно профсоюзной деньгой сори,— сказал Кузьмич,— затейники можно и к обеду подать.

Тут появился какой-то лысый в трусиках и засвистел в дудку. Он подбрасывал кожаный мяч и кричал:

— Кто хочет в волейбол? Становитесь за мной!

Но в это время прибежала девушка в голубой футболке с белым кантиком вместо воротника и захлопала в ладоши:

— Товарищи, есть желающие в крокет?

— Волейбол! Волейбол! — свистел в дудку лысый.

— Крокет! Крокет! — хлопала девушка. Она хлопала, поглядывала на лысого, и ее подстриженные волосы ровной щеточкой мели по белому канту на футболке.

— Ты куда хочешь? — спросил меня отец.

— В крокет! — не раздумывая, ответил я. Да и всем тоже больше понравился крокет. И отцу, и Апанасенко, и Петрищеву... Только Кузьмичу — нет.

— Ох-хо-хо... — зевнул он.— Вы как хотите, а я полежу маленько.

Оказалось, что нашу затейницу зовут Фаиной и что народу за ней пошло больше, чем надо, и оттого всем стало неловко. И Петрищеву неловко, и Апанасенко... Отец то и дело закуривал свои папиросы, и я знал, что ему тоже неловко. Все глазели на затейницу и переминались.

А Фаина стояла посередине крокетной площадки и вертела на ладошке деревянный молоток на длинной ручке. Ее стриженные волосы чиркали по белому кантику то вправо, то влево.

— Это ничего... Это даже лучше,— смеясь, сказала она.— Будем тянуть жребий. Согласны? Все были согласны, и Фаина подбежала и наклонилась ко мне:

— Можно у тебя попросить бескозырку? На моем плече лежала ее загорелая рука, и у моего уха тикали часики.

— Тебя как зовут, а?

Бескозырку мне не было жалко, но я смотрел на свои сандалии, потому что она заглядывала мне в лицо, и от этого я не мог ничего говорить.

— Он у нас дикарь,— сказал отец и снял с меня бескозырку.

Мои уши стали горячими.

«А сам какой?» — рассердился я на отца.

Игра совсем не получалась, потому что никто не умел играть в крокет.

— Ух ты, промазал! — багровел отец, растерянно глядя на шар. А тот, подпрыгивая и мелькая красными полосками, скакал с площадки в траву.

Я мчался за ним следом и подавал шар Фаине. Я подавал ей в самую руку, как наш Тимурка подавал мне брошенную палку. Он приносил ее, счастливо прижимая уши, и я гладил его по голове за то, что он был такой хороший. Фаина тоже гладила меня по голове и говорила:

— Вот молодец! И подбегала к отцу:

— Экий вы... неловкий. Смотрите! Смотрите...

Она чуть расставляла ноги, опускала отвесно молоток и коротким ударом посылала шар меж проволочных дужек.

Отец тоже расставлял ноги и бил — раздавался треск, шар срывался с места, сшибал несколько дужек и, срикошетив, летел в траву.

— Вы бьете, как кувалдой,— смеялась Фаина.— Держите молоток свободнее.

— Иван, это тебе не на мосту! — хохотал Апанасенко.

— Не мой это инструмент,— разводил руками отец и доставал из кармана красивую коробку с папиросами.

А вверху все шумели и раскачивали вершинами сосны.

Как большие метлы, они то вправо, то влево ходили по небу, разметая высокие облака. И все падали и падали шишки, мягко шлепаясь в сухую рыжую хвою.

Гулко и далеко прокатывались по лесу удары крокетных молотков, и путались меж сосен веселый Фаинин смех и сладкий запах отцовских папирос.

Мне было радостно догонять шары и подавать их в загорелую Фаинину руку. Я бы бегал так без конца. Я бы хотел не только подавать шары. Я бы хотел... Хорошо быть большим! Вон отец... Она с ним разговаривает и смеется. А он ничего не понимает,— как это хорошо, когда с тобой разговаривает и смеется Фаина...

Я зашел за сосну, снял сандалии и полез на дерево. Я карабкался по сухим, обломанным сучьям, потом лез между сучьями, потом опять по сучьям. Все выше и выше. Но я все равно лез, если бы даже сосна была в километр высотой. Что-то неодолимо тянуло меня вверх, туда, где шумел ветер... Я лез, и мелкие золотистые чешуйки сыпались вниз и кружились над крокетной площадкой.

Добравшись до самой макушки, я уселся в развилке. Ветер шумел и надувал мою матроску. Сосна качала меня, и я плавно летал среди хвои соседних сосен то вперед, то обратно. Сквозь ветви внизу был виден желтый пяточок площадки. И две маленькие крапинки — белая и голубая. Белая — это отец. Голубая — Фаина. Крапинки то раскатывались, то опять сходились.

— Эй, вы-ы! — закричал я изо всей мочи. От моего крика две крапинки сразу замерли.

— ...за-ай! — донеслось снизу.

— Не слезу-у!

— ...дѐ-ѐ-ошь!

— Не упаду-у!

Я обхватил ствол руками и телом стал помогать дереву раскачиваться еще больше. «Ш-ш-ш» — шипела хвоя, когда я летел вперед. «Ш-ш-ш» — шипела она, и я откидывался назад.

Мне было и страшно и радостно. Я слышал, как гулко колотилось мое сердце о ствол сосны. Я знал, что теперь Фаина ни на кого не смотрит. Она смотрела только на меня: голубая крапинка по-прежнему не шевелилась на желтом пятчке крокетной площадки.

Обедали мы под тем же навесом. Было шумно и весело. Городошники доспаривали какой-то свой спор. Волейболисты умывались на речке и прибежали вместе с лысым, на ходу обтирая носовыми платками мокрые лица и руки. Кеглисты подозрительно пошатывались и тоже расселись всей командой.

— Фаина Владимировна! — позвал отец. Он все время держал рядом со мной на скамейке кулак, чтобы никто не занял место.— Фаина Владимировна! Давайте уж и мы вместе...

— А, вы тут! — кивнула Фаина и пробралась на нашу сторону.

Она была в белой кофточке в желтую горошину. Свежее, умытое лицо розовело надо мной, и я боялся поднять глаза, будто рядом со мной сидело утреннее солнце.

— Ну как, нравится тебе у нас? — наклонилась ко мне Фаина — У, какие у тебя черные руки!

Руки у меня были в смоле, они не отмывались, и я спрятал их за спину.

— Чистый папа! — засмеялась Фаина.— Маленький, а уже медвежонок!

— Выходит, я медведь? — сказал отец.

— Еще какой!

— У медведя губа не дура! — подморгнул Кузьмич, и отец почему-то покраснел и нагнулся к тарелке.— Только гляди — где мед, там и пчела! — погрозил пальцем Кузьмич, и Фаина весело рассмеялась. И все рассмеялись тоже.

Но мне было не смешно. Эти взрослые! Никогда не поймешь, чему они смеются.

— Давай-ка, Иван, лучше нашей медовухи пропустим,— сказал Кузьмич и опять зачем-то нагнулся под стол.

После обеда объявили «мертвый час» и стали всех загонять в палатки.

— Ребята, никаких хождений! — кричал дядя Федя.— Шагом марш по палаткам! Кузьмич, ты куда?

— Чего шумишь? Нужда имеется.

— Очень хорошо! — сказал дядя Федя.— Потом, потом... Ничего не знаю.

Мы лежали с отцом на одной койке. Он курил и пускал колечки дыма в комара. Комар пищал и бился о потолок палатки.

— Пап, научился в крокет?

— Научился,— задумчиво сказал отец и выпустил изо рта белый дымный бублик.

Он обнял меня, и его большая тяжелая рука легла мне на грудь. Я лежал, уткнувшись в подмышку, и перебирал отцовы пальцы. Они были корявые и жесткие, с желтыми прокуренными ногтями. На среднем пальце изнутри прощупывалась твердая шишка величиною с желудь. Она мешала пальцу сгибаться, и когда отец сжимал молоток, то держал этот палец чуть в сторону. Там, под кожей, сидел осколок заклепки. Теперь он зарос, и палец не стал сгибаться.

— Пап, а почему ты его не вытащил?

— Надо было идти в больницу. А мы спешили доделать мост.

— Пап, а зачем ты молоток привязываешь на веревку?

— Я привязывал, когда болела рука.

— Ты так и работал, раненный?

— Да. Я заклепал двадцать три тысячи заклепок.

— Поэтому ты ударник?

— Не я один. И Апанасенко, и Кузьмич, и Петрищев...

— Пап, а Фаина кто?

— Фаина? Фаина... Спи давай...

Когда я проснулся, отца не было. Был один Кузьмич. Он храпел на своей койке, и щетина его усов мерно царапала подушку. Он отдувался, жевал губами и бормотал все то же непонятное: «Аязвитвоюду...»

На светлый корпус палатки опустился древесный листок. Сквозь парусину хорошо виден его темный силуэт. Вот он исчез, и на его месте осталась одна черточка. Потом опять появился листок, потом опять черточка. И я догадался: это сидела бабочка. Она складывала и развертывала крылья, греясь на теплой парусине.

Хорошо здесь! Весело как-то. И все такие хорошие. И Кузьмич, и дядя Федя, и Апанасенко, и все, все... Вырасту — стану ударником. Буду играть в крокет с Фаиной. Буду всегда любить ее...

По крыше стукнула шишка и покатилась, подпрыгивая. Бабочка улетела.

Буду играть в крокет с ней там, на площадке под соснами.

За палаткой на дорожке слышались шаги. И голоса:

— Куда девать весла?

— Давайте я занесу в кладовую. Мне по пути.

— Может, посидим?

— Нет, пойду к себе. Я устала. От воды шумит в голове.

— Это сначала.

— Очень высоко. Я никогда не прыгала с моста...

— А я привык... Бывало, в обеденный перерыв снимаю спецовку и с самого верха фермы...

— Ну, пока.

— Счастливо.

В палатку, пригибаясь, вошел отец. Я слушал, как он тихо напевал:

Мы красна кавалерия, и про нас...

— Ты не спишь? — спросил он, присаживаясь рядом на койку и приглаживая мокрые волосы.

Я глянул и испугался.

— Пап, а ты все-таки зазеленил брюки.

— Правда?

— Посмотри, сзади. Мамка теперь будет ругаться.

— А, ладно! — усмехнулся отец.

Вечером мы пили чай, а после было кино. Но я не досмотрел до конца и уснул у отца на коленях.

А потом поехали домой. В кузове было мало людей. Многие уехали раньше.

Отец и Фаина стояли рядом, держась за кабину. Грузовик, урча и покачиваясь, пробирался сквозь темный лес, тускло светя фарой. Было холодно, и отец сказал мне сердито:

— Почему ты не идешь к Кузьмину в кабину?

— Не хочу!

— Но здесь же холодно!

— Нет!

— Женька, надеру уши...

Разве он поймет, почему я не иду в кабину? Пусть, пусть надерет уши... Пусть... Но все равно... Все равно я вырасту большой...

— Ну, зачем же так! — сказала Фаина. — Иди сюда, малыш. Становись между нами. Так будет лучше...

Она обхватила меня рукой, и я прижался к ее теплому боку.

Над моим ухом тикали часики.

Я плакал. Тихо, чтобы никто не услышал.

Но она поняла. Она нагнулась и зашептала на ухо:

— Не надо, маленький. Ну что так? Папа не хотел тебя обидеть. Он добрый, твой папа... Ты устал. Сразу столько впечатлений! Ну-ка, повернись ко мне.

И она вытерла мне нос мягким душистым платком.

Выбрались на шоссе. Грузовик осмелел и помчался, дребезжа фарой.

Свет выхватил впереди что-то высокое и темное. Оно накатилось на нас и справа, и слева, и сверху и гулко загрохотало.

— Мост! — сказал отец.

— Да... — выдохнула Фаина.

— Вы бы сейчас прыгнули? — спросил отец.

— Сейчас? Ночью? — удивилась Фаина и сказала: — С вами — да!

Свет метался по бесконечным стальным сплетениям, и в тишине ночи над неведомой глубиной гулко и раскатисто рокотали пролеты.

— Что же мы молчим? — сказал дядя Федя. — А ну, давай, ребята! Петрищев! — И, не дожидаясь, сам затянул весело и громко:

Мы кузнецы, и дух наш молод,

Куюм мы счастья ключи...

Над нами, перечеркнутые на мгновение стальными балками, гасли и снова вспыхивали звезды. Гасли и вспыхивали...

Задание №2, творческое (20 баллов)

Согласно указу Президента Российской Федерации 2019 год объявлен Годом Театра. В связи с этим следующий блок заданий – театральный.

1) Назовите автора и произведение (2 балла)

Пьеса в пяти действиях написана в 1859 году в обстановке предреформенного общественного подъёма. Изображаемые автором события разворачиваются летом в вымышленном городе. Автор решил написать эту пьесу после путешествия по Волге, которое он совершил с труппой Малого театра. Он записывал все свои наблюдения касательно жизни русского народа в тетрадь, а потом использовал записи в процессе работы над произведением. Название играет большую роль в понимании этой пьесы, так как этот образ необычайно сложен и многозначен.

2) Укажите жанр произведения (1 балл)

3) Укажите имя персонажа в сцене из спектакля (2 балла)

4) Каким героям принадлежат цитаты из пьесы? (6 баллов: по 1 баллу)

А) "...Нельзя, матушка, без греха: в миру живем..."

Б) "...Не очень-то нынче старших уважают..."

В) "...Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим..."

Г) "...Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься..."

Д) "...Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! ..."

Е) "...Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. ..."

5) По поводу какой героини пьесы эта цитата критика? (2 балла)

" ... влечет ее не одно то, что он ей нравится, что он и с виду и по речам не похож на остальных, окружающих ее; к нему влечет ее и потребность любви, не нашедшая себе отзыва в муже, и оскорбленное чувство жены и женщины, и смертельная тоска ее однообразной жизни, и желание воли, простора, горячий, беззапретной свободы. <...>"

6) Напишите анонс (театральное объявление) на современный спектакль по произведению данного автора, касающийся пьесы или лиц, в ней участвующих (5 баллов)

Учитывается логика и речевое оформление анонса (2 балла)

Для справки.

Анонс (фр. *annonce* — публичное оповещение) — предварительное оповещение о каком-либо событии (концерте, спектакле, показе кинофильма). Может быть в виде афиши, статьи в СМИ или объявления по телевидению или радио. Наряду с собственно объявлением о событии в анонсе обычно упоминаются основные сведения о событии.

Структура анонса:

- сообщение о точной дате и времени;
- сообщение о точном месте;
- краткое изложение сути события;
- предположение об аудитории данного события;
- название телеканала, на котором будет вещание (если это телеанонс).